

Содержание

Введение. Театр абсурда: осторожно, занавес открывается! 9

Часть 1. Вольные каменщики

1. Только рыцари-тамплиеры знают	21
2. Босс этой ложи – женщина	27
3. Исида во всем! Античные культы мистерий	38
4. Исида прячется в масонском храме	43
5. Масонство и нацизм	50
6. Луна – тоже вольный каменщик	61
7. Тайны «Волшебной флейты»	66
8. Чучело масона	71
9. Истинная сила масонских лож	77
10. Что Ватикан имеет против масонства?	84
11. Должен ли масон быть богатым?	93
12. Замурованная дама	98

Часть II. Розенкрейцеры

1. Весь Потсдам превратился в гигантский бордель	107
2. Визит к розенкрейцерам	110
3. «Эквилибриум!» Розенкрейцеры в кинематографе	122

Введение

Театр абсурда: осторожно, занавес открывается!

Темный, как ночь, подвал одного из домов в центре Карлсруэ. Год 6018-й от сотворения мира по масонскому летосчислению. По нашему календарю — 2018 год. Бог свидетель, глядя, что происходит, начинаешь в этом сомневаться.

Саре 21 год, Юлиану — 24. Они сидят за столом и смотрят в пустые глазницы черепа. Сара нервничает. Она охотно поиграла бы сейчас цепочкой или перламутровым браслетом — или еще чем-нибудь, что вертят в руках женщины, когда чувствуют себя неуверенно. Но часы, украшения и мобильный телефон у нее отобрали. Временно, так уж здесь положено. Сара берет Юлиана за руку. Он тоже снял с себя все металлические предметы: часы, ремень с пряжкой, запонки. Юлиан сжимает ладонь Сары. Они приняли решение, и теперь настало время его исполнить.

Тишина. Слышно только их дыхание и тихое потрескивание горящих свечей. Мерцание пламени оживляет череп и другие предметы, стоящие на столе. Раскрашенный терракотовый петух с огромным, словно распухшим, красным гребнем, символизирует бдительность. Серая фарфоровая солонка воплощает человеческое тело, а три стоящие в стакане розы: розовая, красная и пурпурная — сплоченность ложи. Старинная Библия говорит не столько о Законе Божьем, сколько об этике ложи. В песочных часах мелкий порошок медленно перетекает из верхнего сосуда в нижний. Время жизни неуловимо утекает.

Сара — стройная привлекательная блондинка, Юлиан — подающий надежды толковый молодой банкир. Сцена напоминает начало сериала на Netflix с участием актеров. Но здесь все по-настоящему: нет видеокамер (если не считать моей), только двое слегка взволнованных молодых людей в темном подвале, который мог бы оказаться тайным убежищем. Пара остается на месте; они доверяют группе. Должно быть, они сейчас размышляют о том, что больше и значительнее их самих, — о смерти, которая, как они надеются, еще долго будет их щадить.

Мысль безрадостная. Они оба могут в любой момент открыть дверь, подняться по лестнице, и после короткого разговора страж выпустит их из этой унылой темницы: «Вы наверняка все понимаете. Большое спасибо и удачи. Пока!» Но молодые люди продолжают сидеть, словно прикованные невидимой цепью. Они ждут, когда дверь склепа откроется сама. И вот их наконец ведут наверх. Там пара останавливается перед следующей запертой дверью. Теперь это тяжелая дубовая дверь, врата в храм вольных каменщиков — масонов.

Глаза Сары и Юлиана только понемногу привыкли к свету, как им надевают черные повязки. Они покорно отдаются происходящему и снова погружаются во мрак. «Эта повязка исполнена глубокого смысла», — успокаивает их тихий, кроткий голос. Он говорит, что теперь они должны смотреть сердцем, чтобы узреть невидимое для человеческих глаз. Как у Антуана де Сент-Экзюпери (1900–1944), автора «Маленького принца»: «Вот мой секрет... зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь»¹. Только сердце способно ясно видеть. Возможно, Сент-Экзюпери и сам был масоном. Его членство в ложе считается спорным, однако Французская энциклопедия масонства называет его одним из братьев. «Маленького принца» многие считают визионерской масонской книгой; во всяком случае, там описаны масонские символы (семь планет) и многоступенчатый путь восхождения ученика к мастерству.

«Постучитесь во врата», — произносит мужской голос. Юлиан стучит и за себя, и за Сару. Тук-тук-тук. Он и сам не знает, почему постучал трижды. Но интуитивно он все сделал

¹ Перевод Н. Галь. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

правильно. Они слышат скрип. Вероятно, во ворота открылось окошко: от дверей потянуло сквозняком. Такого они еще не видели, хотя на протяжении года бывали здесь как гости и эта дверь наверняка не раз раскрывалась перед ними. Со стороны двери раздается голос и произносит с французским акцентом: «Кто стучал?» Сопровождающий, завязавший Саре и Юлиану глаза, подсказывает им ответы на дальнейшие вопросы. Сара и Юлиан послушно повторяют. Потом они слышат, как распахиваются створки дубовой двери. Сопровождающий ведет их дальше. Температура в помещении примерно на два градуса выше, чем в фойе. Сколько взглядов приковано к ним сейчас? На ощупь они продвигаются по лабиринту, словно идут по проходам оживленной ярмарки. Время от времени под ногами вздрагивает пол, ощущается дуновение ветра или жар близкого огня. Они никогда не забудут эти мгновения. Путь заканчивается, когда они доходят до конца лабиринта. Теперь они становятся учениками, их приняли в ложу.

Сотни лет этот обряд посвящения проходят мужчины (а в последние десятилетия и женщины). Вероятно, Гете чувствовал себя так же неуверенно, как Сара и Юлиан. Однако при приеме Гете в ученики произошло нечто весьма удивительное — то, чего другие не могли себе представить, несмотря на чувство превосходства, внушенное тем, что им был известен каждый шаг ритуала. В канун Иванова дня 1780 года при обряде Гете должны были завязать глаза, но он повел себя необычно. Он отказался от повязки и поклялся честью не открывать глаз и ни разу не моргнуть. Сегодня «ищущего», который разыграл бы подобный спектакль при вступлении в ложу, скорее всего, вежливо выпроводили бы прочь.

В отличие от Сары и Юлиана, которые ничего не видели, мне позволили наблюдать это торжественное действо. Я видел подобные ритуалы не только у вольных каменщиков. В качестве гостя я присутствовал при ритуалах посвящения в десятке союзов, которые, как правило, избегают публичности. Такого они не позволяли раньше ни одному репортеру. Мое исследование продолжалось больше двух лет и превратилось в газетную колонку, серию документальных видеофильмов, а теперь оформилось в виде книги.

В чем особенность этой книги? В отличие от книг других авторов, она основана не только на литературных данных. Я пишу о том, какое впечатление ритуалы произвели лично на меня. Чувство и знание — это два ключа, без которых невозможно открыть двери ритуального опыта.

Что скрывали эти союзы, тайные общества? Ученые скрупулезно исследовали церемонии большинства эзотерических объединений на протяжении последних десятилетий. Те, кто ожидает, что там происходит нечто запретное, будут разочарованы. В ложах не вынашивают планы мирового господства, не прячут Ковчег Завета или легендарные клады тамплиеров. Но есть сокровище, которое они ревниво охраняют. Это драгоценное переживание, необратимо меняющее их жизнь. Я попытался добраться до корней этого феномена — со всей возможной объективностью и профессиональным скепсисом. Мне поставили только одно условие: можно делиться впечатлениями, но не разрушать увиденную мной магию.

Магия там и правда случается; в этом я кое-что понимаю. С детства я обожал показывать фокусы и знаю, что любая иллюзия рассыпается, если до представления рассказать публике, как протыкают шпагами ящик, в котором спрятана женщина, и как она выходит невредимой на глазах у изумленной публики. Зритель должен стать участником игры, чтобы поддаться действию колдовства. На этот раз очарованным предстояло стать мне, чтобы потом рассказать о своих чувствах. При этом я не хотел превращаться ни в рупор тайных союзов, ни в глашатая конспирологических идей. Я старался по возможности занимать нейтральную позицию эксперта; я беседовал с учеными, богословами, бывшими членами лож, чтобы классифицировать свои впечатления.

Из исследования я с самого начала исключил опасные или радикальные группы. Разумеется, существуют психосекты и радикальные общества, которые приносят в жертву своих членов или манипулируют ими. Сайентологи и небольшая группа действующего и в Германии ку-клукс-клана упомянуты в книге только ради полноты картины. Я написал о ку-клукс-клане, потому что с его представителями можно спутать гугльманов, о которых сказано в одной из завершающих глав. Это

не значит, что рассказ о той или иной группе не стоит снабдить предупреждающей надписью, как на сигаретной пачке: «Осторожно, если вы переусердствуете, то окажетесь в странной ситуации». Любое лекарство в больших дозах превращается в яд. Это касается как эзотерики, так и религии.

Возьмем, к примеру, розенкрейцеров. Это понятие не защищено авторским правом. Существуют десятки групп, исповедующих совершенно разные ценности; все они называют себя розенкрейцерами и ссылаются на одни и те же источники. Но одна группа обращена к миру и способствует изменению жизни к лучшему, а другая рассматривает реальную жизнь как мученичество и требует от своих членов терпеть трудности и отказываться от мирских радостей. Угадайте, какая из них более популярна. Однако я постараюсь развеять некоторые мифы и в отношении симпатичных мне союзов с помощью исторических данных и критически рассмотреть содержание их учений. Мне потребовалось проводить долгие переговоры и неоднократные встречи и интенсивно обмениваться письмами и телефонными звонками со многими ложами, чтобы убедить моих собеседников откликнуться. Для них это был шанс удостоиться достоверного рассказа и таким образом избавиться от предубеждений и предрассудков. Со своей стороны, я обещал быть честным и уважительным. В своих исследованиях и разысканиях я продвигался с большой осторожностью. Впрочем, такой подход не был само собой разумеющимся.

Чтобы воспринимать меня как честного человека, вы должны знать мой бэкграунд. Я бульварный репортер и не всегда соблюдал в работе подобную щепетильность. Вот пример: в 2005 году актриса Уши Глас тайно венчалась в капелле замка Лустгейм в Обершлисгейме (исключительные права на репортаж и фотографии она обещала одному иллюстрированному журналу). Не спрашивая разрешения, я сумел втереться в толпу гостей. Входным билетом в этот тесный круг мне послужил старый фрак, который я, как иллюзионист, использовал на выступлениях, а также надевал по торжественным поводам. На лацкан я прикрепил пучок травы, сорванной в парке, взял под руку престарелую тетюшку Уши и с достоинством прошел мимо охранников. Тетюшка, должно быть, долго терялась в догадках,

что за элегантный молодой человек сопровождал ее в церкви. Фрау Глас, видимо, сильно удивлялась, смотря на фотографии со свадьбы, напечатанные на следующий день в газете, где я тогда работал. Кто мог выдать прессе подробность, что собачка жениха во время церемонии вдруг закашлялась и все присутствующие думали, что священнику придется менять обувь? Я снова встретился с Уши Глас пару лет назад, и мы посмеялись, когда я рассказал ей, как ее тетя сыграла роль троянской бабушки.

Однако к исследованию лож я подошел с открытым забралом. Я на собственном опыте убедился, что в каждом союзе есть два течения. Одно консервативное, и его представители не хотят публичности и не устраивают встреч с любопытными гостями. Второе — прогрессивное, оно заинтересовано в преемственности: либо для омоложения рядов, либо для привлечения новых членов, чтобы починить ветхую крышу за счет вступительных взносов. Я приходил к ним как гость, заглядывал за кулисы, узнавал символы, мимо которых вы часто проходите, не обращая внимания. Я тоже так делал, пока не знал их значения. Мне удалось заручиться доверием хотя бы одного человека в каждой из выбранных групп. Поэтому получилось не только реалистично описать действующих в Германии масонов, розенкрейцеров, каббалистов, шларатфов и другие общества, их цели, тайны, структуру, но и сравнить и обнаружить связи и сходства между этими, вообще говоря, независимыми друг от друга ложами.

В самом начале работы мне сказочно повезло: руководительница масонской ложи, куда вступили Сара и Юлиан, ответила на мою просьбу так: «Почему бы нам не предложить людям мед?» Самый убедительный довод: если сделать вольных каменщиков более открытыми, что они от этого потеряют? Апофеозом моего исследования стала уникальная встреча, где собрались представители всех союзов и один из лучших экспертов. Уполномоченный по вопросам евангелического мировоззрения Маттиас Пельман в своем официальном сообщении назвал тот вечер историческим событием. Представители различных союзов съехались для этой встречи в Баварию со всей Германии. Приглашение исходило от известной своей откры-

тостью мюнхенской «Баварской ложи» (Bavaria Lodge, филиала американско-канадской Великой ложи). Все проявляли немалое любопытство к результатам съемки — и друг к другу. Они обменивались мнениями, а некоторые до поздней ночи не снимали роскошных орденских одеяний. Какое незабываемое зрелище, какой неповторимый вечер!

Эзотерические системы — это мир абсурда. Именно поэтому они всегда являлись питательной почвой для науки, культуры и всего современного общества. Такие посвященные, как Пифагор, Исаак Ньютон, Бенджамин Франклин, Франц Кафка, знали, что занятия абсурдом активируют подсознание, и в этом состоянии на поверхность выходят гениальные идеи, решения и изобретения.

«Кто к невозможному стремится, люблю того»¹, — писал Гете в «Фаусте». Вероятно, прототипом его главного героя стал легендарный врач и алхимик Парацельс. Алхимики и маги в отчаянных попытках получить золото порой находили нечто еще более ценное. Так, Иоганн Фридрих Бёттгер по чистой случайности изобрел европейский фарфор, а Хенниг Бранд в экспериментах с мочой открыл магически светящийся фосфор. Только тот, кто смело оспаривает общепринятые законы природы, государства и церкви (Ватикан, вероятно, отговаривал Бранда от лабораторных игр с мочой), получает что-то новое. Если идея не абсурдна, все давно ее знают! Химик Август Кекуле (1829–1896) именно в такой абсурдный момент открыл строение бензола. Жидкий углеводород стал позднее неотъемлемой составной частью нашего бензина. Это выглядело, должно быть, так: утомленный ученый откинулся на спинку кресла перед рабочим столом; треск поленьев в камине действовал усыпляюще, и Кекуле задремал. Впоследствии он рассказывал, что во сне увидел египетский символ уробороса — змею, свернувшуюся в кольцо и кусающую себя за хвост. Он открыл бензольное кольцо!

Уроборос является излюбленной аллегорией алхимиков, оккультистов и масонов; он присутствует и в современной психологии (К. Г. Юнг); эта аллегория делает наглядной и понят-

¹ Перевод Н. Холодковского.

ной вечный круговорот явлений — круговорот воды в природе, например: вода испаряется, поднимается вверх, охлаждается и в виде дождя возвращается на землю. Уроборос изображен на могильной плите просветителя Иоганна Готфрида Гердера (1744–1800), масона и иллюмината. Символы помогают нам понимать сложное. Наши дорожные знаки позволяют с одного взгляда увидеть и оценить опасность. Эмодзи в смартфонах переводят слова в чувства, чтобы мы не ошиблись в трактовке коротких сообщений. У меня нет никаких данных о принадлежности Кекуле к масонской ложе. Но весьма вероятен его интерес к эзотерике. Его сын впоследствии стал великим мастером масонской ложи в Берлине.

Сейчас тайные общества, союзы, ордена и их символика кажутся стороннему наблюдателю выпавшими из времени, архаичными и устаревшими. Кстати, сами масоны терпеть не могут понятие «тайный союз». Они утверждают, что открыты обществу, ведь их руководители значатся в общем реестре. Они проводят гостевые вечера, на которых рассказывают о происхождении и целях общества. Но когда речь заходит о ритуалах, они замолкают. Именно поэтому чисто внешне они напоминают тайное общество — хотя тайна, которую они прячут, абсолютно безвредна.

Порой представление масонов о себе может показаться весьма романтичным. Они подчеркивают (и с полным правом) приверженность идеалам Просвещения, но при этом не упоминают явный эзотерический бэкграунд и отмахиваются от него, как от исторического курьеза. «Политические и гуманитарные цели долгое время ценились намного больше, чем религиозно-философские спекуляции, — пишет Йорг Вихман («Ренессанс эзотерики»). — В тот период, когда ложи превратились в клубы высшего общества, на первый план вышли ритуалы и символы, хотя и сегодня многие масоны не придают им никакого эзотерического значения. Все это говорит лишь о стойкости и силе ритуала, традиции». Только сравнив масонство с другими тайными обществами, можно отчетливо увидеть в нем реликты античных мистических культов.

С помощью магии многие системы конкурировали между собой в XVIII и XIX веках: она составляла важный фактор мо-

гущества лож. Смесь науки и магии привлекала людей, которые могли себе позволить вечером разыграть магическое действо вместо того, чтобы отдыхать от тяжелого труда. Только богатым купцам и аристократам была доступна роскошь посещения таких представлений. В некоторых ложах работал простой экономический принцип: на самые волнующие спектакли приходило больше состоятельных членов.

Характерная черта всех описанных здесь союзов — тайна. Молчание — не редкость для нашего общества. Без тайн остановилась бы наша общественная жизнь. Врачи соблюдают врачебную тайну, священники — тайну исповеди; почти всем работающим людям приходится хранить те или иные профессиональные секреты. Полицейские хранят тайну из «соображений следствия». Именно поэтому сознавшийся убийца не может на суде утверждать, что не совершал тех или иных действий, а прочитал о них в газетах. Тайны есть и у журналистов: статья 5 Конституции предусматривает защиту источников информации.

Эта книга должна представить реалистическую картину тайных союзов, описать важнейшие из них и осветить их историческое влияние на общество, отчасти сохранившееся до сих пор. Многое из того, что пишут о тайных союзах и ложах в социальных сетях, чушь. В отдельных источниках можно найти зерно истины. Какие союзы опасны? И почему тот или иной философский или даже магический аспект, который вначале кажется нам совершенно безумным, при внимательном рассмотрении оказывается удивительно разумным? Я горю желанием прямо сейчас рассказать вам всю историю с самого начала...

ЧАСТЬ 1

Вольные каменщики

Только рыцари-тамплиеры знают

Моя первая встреча с масонами состоялась в Нюрнберге. Я жил в центре города, неподалеку от церкви Святого Иоанна. Здесь веками безмятежно несет свои воды Пегниц, нимало не заботясь о том, что происходит в парке Халлервизе. Летом молодежь любит отдыхать там в тени деревьев. Здесь же нашел упокоение и великий художник Возрождения Альбрехт Дюрер — он похоронен на живописном кладбище Святого Иоанна рядом с другими знаменитостями, такими как скульптор Файт Штосс. На пути из дома в редакцию я каждый день проходил мимо кубического здания с узкими малозаметными окнами. Входную дверь обрамляли резные каменные узоры, среди которых выделялся уроборос: змея свернулась в кольцо, в него вписан равносторонний треугольник, а в центре угадывалось изображение трех связанных в пучок стрел.

Оказалось, что в этом здании проходят собрания таинственных масонов, вольных каменщиков. Правда, в нем нет ничего таинственного. Путь к Дому ложи начерчен на одном из рекламных щитов для туристов, объясняющем, как пройти к местным достопримечательностям. Каждый раз, проходя мимо щита, я вспоминал Марвелли-младшего. Задолго до братьев Эрлих и Зигфрида и Роя Марвелли-младший (1932–2008) стал одним из самых выдающихся немецких иллюзио-

нистов. Мало того, он был моим другом и наставником. Другие знали его как желчного грубияна. Но я много помогал ему, носил ему в больницу бритвенные принадлежности, часто составлял компанию и внимательно слушал его истории. За это он благоволил мне и еще горстке молодых фокусников, хотя терпеть не мог любителей (как, впрочем, и большинство профессионалов).

Вы можете составить представление о нем по такому эпизоду: однажды он рассказал, как после выступления к нему прорвалась группа иллюзионистов-любителей с просьбой оставить автограф в клубной книге. Марвелли уже с наслаждением предвкушал, как поставит на место этих выскочек. Смеясь, он написал несколько строк и громко захлопнул книгу. Напустив на себя мрачный вид колдуна, он сказал: «Пообещайте мне, что вы откроете книгу только дома». Вероятно, почитатели Марвелли несли ее домой в потных ладошках, надеясь, что найдут внутри выигрышные числа будущей лотереи или что-то не менее сенсационное. Каково же было их разочарование, когда они прочли: «У иллюзионизма и древнейшей профессии есть нечто общее. Их погубили дилетанты!»

Часто рассказывал мне Марвелли и другую историю. Вероятно, она представлялась ему очень важной. Думаю, таким способом он настаивал, чтобы я почаще вспоминал о ней. Марвелли состоял в союзе шлараффов, пародии на орден вольных каменщиков. О шлараффах я расскажу отдельно. Очевидно, у иллюзионистов есть склонность к подобным союзам и обществам. Марвелли каждый раз вспоминал погребение своего друга-иллюзиониста, тоже шлараффа. Правда, одновременно тот был еще и масоном.

Кажется, что у этих трех групп — иллюзионистов, шлараффов и масонов — есть нечто общее. Иллюзионисты и шлараффы любят искусство беседы, иллюзионисты и масоны обожают тайны. Шлараффы любят масонов, иначе они не подражали бы им. Во всех трех группах проводятся публичные ритуальные похороны. Марвелли говорил об этом так: «Сначала к могиле подходят масоны, и все рыдают. Потом появляются шлараффы, и все до смерти хохочут». Например, шлараффы со скорбными физиономиями скачут по кладбищу (!)

на деревянных лошадаках. Так и должно быть: нужно оплакать покойника, чтобы потом снова вернуться к жизни.

Однажды в вечерних сумерках я, как всегда, по дороге домой проходил мимо Дома ложи. На этот раз он выглядел необычно. Тяжелые двери были распахнуты. За ними виднелась автоматическая раздвижная дверь из матового стекла, к которой был прикреплен листок бумаги с надписью: «Закрытое общество». Я расценил это как однозначное приглашение: надо войти! Конечно, рассчитывать мне стоило только на удачу — меня могли просто вышвырнуть. Но неожиданно я столкнулся с удивительным гостеприимством. Так называемый кастелян, отвечавший за угощение братьев, пригласил меня отведать франконского пива. Я представился и рассказал ему историю, которую поведал мне Марвелли. Это позабавило кастеляна — он любил фокусников.

Из соседнего помещения вышел пожилой господин в белой накидке с огромным красным крестом и, ни с кем не поздоровавшись, направился в туалет. Мы оба посмотрели ему вслед. Рейнхард, кастелян, заметив мое удивление, сказал: «Это тамплиер, да-да, они до сих пор существуют. А сейчас я представлю тебя еще нескольким господам». Тем вечером, на который я сам себя пригласил, мне довелось впервые стать гостем клуба Уробороса, ложи «У трех стрел» — одной из старейших лож Нюрнберга, основанной в 1789 году, в год начала Французской революции. С тех пор эта тема меня не оставляла. Я принял приглашение на следующий гостевой вечер. Что побуждало этих мужчин — это была чисто мужская ложа — встречаться раз в неделю? Мне захотелось это выяснить, и я стал — по возможности — раз в месяц посещать кубическое здание. От одного любезного пожилого господина Генриха я узнал больше о масонстве и о многочисленных различиях между отдельными ветвями масонов. Кроме того, его добросердечная супруга фрау Гертруда, которая почти всегда забирала Генриха после собрания, многое рассказала мне о жизни. От обоих я получил совет критически относиться ко всему, что видел в ложе.

Одна группа, тамплиеры, придерживается христианства. В ряды тамплиеров принимают почти исключительно крещеных христиан. За несколько месяцев мне больше всего полю-

билась небольшая радушная группа, так называемая гуманитарная ложа, куда принимали людей любого вероисповедания, включая религиозных скептиков. Особенно впечатлили меня четыре эпизода, свидетелем которых я стал за время посещения ложи. Первый эпизод связан с докладом одного из братьев ложи, который, по всей видимости, страдал от последствий инсульта. Доклад был о Моцарте. Через пару минут Бруно потерял способность сосредотачиваться на тексте; он отключился, смотрел на лежавшую перед ним рукопись и не мог произнести ни слова. Затянувшаяся пауза, кажется, причиняла душевную боль одному мне. Мне было до слез жаль этого человека. Почему никто не может прекратить это и отменить доклад? Потом один из братьев подошел к Бруно, ласково положил руку ему на плечо, взял рукопись и дочитал незнакомый текст до конца. В конце раздались честно заслуженные обоими аплодисменты. Редко я становился свидетелем столь прекрасного момента — так уважительно отнеслись эти люди к слабейшему члену ложи.

Вторым эпизодом стал спор, который возник у меня с одним из масонов. Воодушевленный новыми знакомствами, в Международный женский день я поручил одной коллеге написать репортажи из трех мест, куда обычно заказан вход женщинам: посетить бордель, встретиться с хоккейной командой в мужской сауне и с мастером ложи в его храме. Явившись после этого на очередной гостевой вечер, я заметил, что один из пожилых масонов демонстративно не смотрит в мою сторону. Затем он подошел ко мне у стойки кастеляна и буквально прорычал, что я, должно быть, одержим непристойностью, раз посмел сравнить масонство с проституцией. Как такое возможно? Конфликты — не всегда моя сильная сторона, а если их причина абсурдна, мое остроумие становится вровень с чувством такта. Сначала я попытался объяснить, что не имел в виду такого сравнения. Но потом мне пришло в голову обратиться все в шутку. «Собственно говоря, это не такая уж и плохая идея! В борделе соблюдается конфиденциальность, туда ходят исключительно мужчины, и, по крайней мере, половина людей там носит своеобразную рабочую униформу». Это сравнение эротического белья с цилиндром, белыми перчатками и фар-